

18+ ПОПОВИЧ
Татьяна

Заметки

на полях происходящего

2018

Татьяна Попович

Заметки на полях происходящего

«Издательские решения»

Попович Т.

Заметки на полях происходящего / Т. Попович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908847-5

В этой книге нет сюжета. Есть люди, моменты, эмоции, но нет сюжета. Впрочем, он есть. Настоящее время. 0,1 секунды. Это тот миг, который воспринимается мозгом как настоящее. Происходящее с нами, происходящее в жизни. Оно настолько богато оттенками, что можно снять гениальное кино, основываясь на мгновении, рассматривая лишь одну секунду, как старинное украшение в музейной витрине. Из секунды можно создать историю, легенду, миф. Заметки про искусство жить мгновением.

ISBN 978-5-44-908847-5

© Попович Т.
© Издательские решения

Содержание

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ПРОИСХОДЯЩЕГО	6
1. Утреннее	6
2. Потеряшки	7
3. Мачо Латино	8
4. Легкий способ бросить курить. Дневник отчаяния	9
5. Машина мама	10
6. Бытовые истории	11
7. Город дождей	12
8. Как все меняется	13
9. О БДСМ	14
10. Дуб	15
11. О Пашке, одиночестве и обо всем	16
12. ***	17
13. О психотехниках	18
14. Непридуманное. О мужчинах и не только	19
15. Халат	20
16. Спортивное	21
17. Носочки	22
18. Ложки	23
19. Ко дню Святого Патрика	24
20. Выйти замуж за иностранца	25
21. Бабско-корсетное	26
22. Пусть он скажет мне это в глаза, как мужик! (с)	27
23. Есть час	28
24. С любимыми не расставайтесь	29
25. Печатное слово как нам отзовется	30
26. О случайностях	31
27. Гоша. Он же Жора	32
28. Когда я уеду из этой страны	33
29. Врачебное	34
30. Потеря	35
31. Про метро и паранойю	36
32. ***	37
33. О жизни, танцполе и многом другом	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Заметки на полях происходящего

Татьяна Попович

Сыну, близким людям и друзьям посвящается. С любовью и благодарностью за опыт и сопричастность.

Миша, я сделала это, потому что обещала тебе. Мартишия Адамс.

© Татьяна Попович, 2018

ISBN 978-5-4490-8847-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ПРОИСХОДЯЩЕГО

1. Утреннее

Бывают такие красивые утренние часы, когда я начинаю жалеть, что бросила курить. Хочется налить чашечку любимого кофе, накинуть легкую куртку – и на балкон, встречать рассвет. Из объектов – только дворничиха, устало метущая двор, деловитые собаки с хвостами-крендельками, пыхтящая и уже куда-то спешащая женщина в дешевом коричневом плащике. Время 6.21. Город и я просыпаемся, неспешно открывая глаза. Еще час – и от этой утренней невинности не останется и следа. Все зафырчит, загудит, и сказка закончится. А пока... Есть минута, в которой хочется остаться подольше.

2. Потеряшки

Двенадцать ночи. Курю на балконе. Вдруг вижу – по дороге несется такса. Побежала в одну сторону, потом в другую, остановилась и завывала. Потерялась! Я свистнула, она бросилась под балкон и начала прыгать. Ну, думаю, надо одеваться и выходить, холодно такой псине на улице. Муж с ребенком на дыбы.

Муж: «Ты что людям проблемы создаешь? Так они ее сейчас найдут, а из-за тебя будут всю ночь искать...».

Сын: «Я завтра в школу уйду, и что она тут одна будет делать?».

В общем, они правы.

И тут мне в голову пришла мысль – насколько часто мы делаем добро, не подозревая на самом деле, что творим не совсем доброе дело. Такие добренькие Тани...

А собаку все равно жалко. Ничего не могу с собой поделать. Надеюсь, ее нашли.

3. Мачо Латино

Каждый вечер, возвращаясь с работы, вижу примерно одну и ту же картину. Плетется жирный и не помнящий своего предназначения спаниель, и ведет его на поводке непонятное существо периода то ли позднего пубертата, то ли ранней юности. Худое, с впалой грудью, тощими ручками-ножками и большой кудрявой головой. Бредет оно так же отстраненно, как и его питомец.

Вечер. И опять та же картина: молодой человек с собакой. Одет в белую обтягивающую футболку. На неразвитой груди – гордая надпись черным по белому: MACHO LATINO. Интересно, это его внутреннее восприятие? Представляю женский аналог: тощенькая безгрудо-наивная девочка в футболке с надписью PAMELA ANDERSON... О мир, какие еще загадки ты в себе таишь?

4. Легкий способ бросить курить. Дневник отчаяния

Итак, перевыполнение плана по никотину привело меня к некоторой интоксикации и очередному решению. Для того чтобы усугубить ситуацию, ночью, этак часика в два, я решила устроить нечто. Выкурила быстро несколько сигарет подряд. Отвращение гарантировало неприятие табака как минимум день. И сегодня этот день настал. Что я могу сказать...

Дисфория. Мне кажется, от меня даже собаки с воем разбегаются.

Суетливость. Ничто не приносит облегчения.

Занудливость. Кажется, что все просто насилуют меня своим присутствием.

Появились мысли. Псевдофилософская утром: «И зачем все эти страдания? Жизнь так коротка, и в ней так мало удовольствий! Если ты ко всем проблемам прибавишь невозможность курить, то ты просто свихнешься».

Псевдофилософская в обед: «Все умрем. Курить, не курить?»

Потом пошла в атаку психика со словами: «Ну и что, волю, что ли, проверяешь? Да есть она у тебя, воля».

Диетическая: «А с чем ты будешь пить кофе и коньяк?».

Коммуникативная: «А поговорить?».

Моя решительность напоминает парня из фильма «На игле».

5. Машина мама

Когда я была маленькой, меня отводил в школу папа. Мы торопливо шли вдоль длинного чугунного забора областной больницы. Я считала завитки и тумбы, и загадывала, что если успею досчитать до пятой тумбы и нас за это время не обгонит автобус, то я получу пятерку (в те далекие времена оценки ставили начиная с первого класса и первой четверти, так что первую свою двойку я умудрилась получить еще в первой четверти первого класса).

Почему-то отчетливо запомнились темные осенние утра, такие, когда совсем не хочется выходить из дома из-за их неуютности. Листья уже превратились в жидкую кашу под ногами из-за первых дождей. Обычный ноябрь в ожидании снега.

Часто нам навстречу попадалась маленькая хрупкая женщина. Она выныривала из тумана и быстро приближалась. То, что она невысокого роста, я понимала, потому что, будучи первоклассницей, была ненамного ниже ее. Плащ ее был скромн – то ли серого, то ли песочного цвета, в талию, с широким поясом, плотно обхватывающим ее тонкую фигурку. Из-за этого плаща с широким поясом она напоминала мне балерину – тонкую, изящную танцовщицу, которая прямо сейчас может встать на носок и крутануть какое-нибудь фуэте. Она была рыженькой, и всегда ласково, с прищуром кивала мне. Это была мама моей одноклассницы Маши. Она была как небольшое солнышко, и ее острое личико было приятно. Мне думалось и представлялось, кем она работает и где. В ее руках часто была сумка с какими-то документами. Я знала, что Маша живет с мамой, бабушкой и дедушкой в старом собственном доме где-то не очень далеко от меня. Мы не очень-то общались и, наверное, поэтому дома у нее я не была ни разу.

Время шло, и это стало небольшой традицией, что Машина мама, проводив дочь в школу, встречалась мне около чугунных решеток больницы. Потом это стало происходить реже – мы с Машей подрастали и уже во втором классе стали самостоятельно ходить в школу.

А потом Машина мама пропала. Я не видела ее неделями.

...В пятом классе я заболела – появилась какая-то болячка на руке. Меня возили лечиться к бабке, в пропитанную странным запахом квартирку; знахарка прикладывала к болячке красную тряпочку, насыпала на нее какие-то травы и шептала старческими синими тонкими губами какие-то слова. Я стеснялась, что всех подружек, если они заболеют, возят в больницу, а меня к какой-то бабушке, далеко, на рабочую окраину города. И, наверное, из-за этой болезни пропустила событие, когда классная руководительница выстроила наш 5 «А» и повела к Маше домой. У Маши умерла мама, а отец, оказывается, давно с ними не жил. И Маша осталась с бабушкой и дедушкой в большом, бедно обставленном доме.

...И было какое-то чувство обиды на ту маленькую изящную балерину, которая оставила на этой земле свою девочку, своего единственного ребенка без надежной защиты, не поставив на крыло. Детская обида на взрослого за его «безответственное» поведение.

6. Бытовые истории

Часто около маленького полуподвального магазинчика, который, несомненно, есть почти в каждом большом многоквартирном доме, стоит попрошайка. Он грязен, и его вытянутая лапка не вызывает ничего, кроме омерзения. Он практически всегда натягивает на лицо капюшон, и это наводит на мысль, что, наверное, у него отвратительные проплешины на голове. Глаза его удивительно прозрачно-голубые, будто их не коснулся образ жизни. Нос тонкий, с этакой арабской горбинкой и незаживающей длинной и глубокой царапиной, которая начала рубцеваться и превращаться в шрам. Его лицо трудно рассмотреть под грязноватым капюшоном некогда дорогой спортивной куртки, но ему, наверное, не больше пятидесяти. Говорят, бомжи не живут долго. Ну и, конечно, портрет был бы не полон без специфического аромата застарелой мочи, немытого тела, фекалий и помойки.

Когда я зашла в магазин, продавщица с извиняющимся видом протирала стойку хлоркой, «ну вот, заходил», кивнув в сторону застывшего, как кататоник, под дождем бомжа. «Почему вы его пускаете?» – возмутилась я. У меня в этот магазинчик часто заходит сын за мороженым и то, что ему могут дать на сдачу мелочь из кармана бомжа, мне не нравилось.

Продавщица недоуменно остановила свои ритмичные движения тряпкой по столу. «Он же поесть хотел».

И действительно, почему-то я никогда не задумывалась о том, что бомжи тоже иногда хотят что-то съесть, и необязательно это что-то должно быть из помойки.

Решение созрело сразу. Я прикупила пару кусков какой-то буженины, нарезанную булку хлеба и пакет сока. Все это, положив в пакет, при выходе сунула ему в руки, стараясь не смотреть в глаза и вообще держаться подальше. Он что-то там проскрипел типа «Бог отблагодарит» или что-то в подобном духе. Больше я его не видела. Вот теперь думаю: то ли я его отравила, то ли он, побираясь на водку, решил больше не стоять там, где стали подавать продуктами.

7. Город дождей

Покупаю небольшую коробку конфет с подругой в киоске. Коробка долго лежала на витрине. Я придирчиво верчу ее в руках и немного сварливо высказываю продавцу:

– *Наверное, они от солнца растаяли!*

Из киоска высовывается длинный нос кавказца. Он сопит, вздыхает, и, глядя на перманентно хмурое небо Калининграда, позабывшее, что такое солнце, наверное, еще в прошлом столетии, грустно произносит:

– *Дээвушка... гдэ вы тут солнцэ видели, э?*

Несокрушимый аргумент...

8. Как все меняется

Приятель залетает в кафе, с ходу: «Прости, опоздал. Но я же предупреждал, что буду ехать с маникюра». А я даже как-то и не удивляюсь. Обсудили его маникюр. Мой черный лак. Нашу любимую линию мужского парфюма. Вот так. О времена!...

9. О БДСМ

Моя приятельница, любительница БДСМ, заказывает моему другу, дизайнеру по коже, наручники для различных игр. Разговор происходит у меня дома.

Великолепная N (воодушевленно, размахивая руками): «Они должны быть именными!».

Друг А (покорно рисует в блокноте): «Угу...».

Великолепная N (глаза разгораются, челка падает на глаза, она поправляет ее быстрыми и нервными движениями): «Они должны выдерживать вес не менее 150 кг!».

Друг А (искоса поглядывает на меня, типа, ну ты заплатишь за все, продолжает рисовать): «Ага...».

Великолепная N, наверное, находясь уже где-то в своем мире наручников, плеток и стоющих в экстазе мужчин: «И еще мне нужен флоггер, но серьезный, чтобы до крови. Чтобы так... ах...!».

Друг А, подняв глаза к потолку, тоже отстраненно и философски начинает уже подыгрывать: «А может, тебе проще биты в „Спортмастере“ купить?».

Великолепная N вздрагивает от резкого возвращения в мир реальности, и я вижу, что идея легла на благодатную почву: «А биты можно обтянуть кожей?».

Друг А испуганно ищет у меня поддержки.

...Мужчины, осторожней! Не злите женщин. Особенно тех, у кого есть плетки, флоггеры и наручники... Потому что там же может оказаться и бейсбольная бита.

Удачи вам, дорогие мои.

10. Дуб

У каждого есть свое дерево. Мне вспомнилась стая танцующих берез в загадочном месте Боровое. На старой фотографии около их изгибистых стволов стоит моя бабушка, с такой же сложной и изгибистой судьбой, на обороте подпись ее старческой рукой: «Мои березки». Да, это были ее березки. Очень далеко отсюда.

Но речь сейчас о другом дереве. Проживая в районе Тенистой аллеи (ах, какое все-таки название!), я почему-то останавливаюсь около него.

Большое, высокое дерево. Кажется, дуб. Он стоит на окраине небольшой поляны. Сильный. Много чего помнит. Позади особняки сильных и успешных людей. А тут он. Такой какой-то... самодостаточный. Прогуливаясь там, я с нежностью подхожу к нему. С нежностью и уважением. Наверняка он помнит тевтонцев, как бряцали стремяна и сопели кони, которых подгоняли всадники, торопясь поспеть домой до заката. Может, помнит и что-то из многочисленных сражений, которые шли тут, на окраине Кенигсберга; и влюбленных, которые наверняка назначали свидания на этой поляне после дневной службы (рядом кирха): «Анна, давайте увидимся после службы у нашего дерева. Карл».

В теле дуба дыра – рваная рана, идущая от основания на 2—3 метра вверх. Может быть, это сделал снаряд, может быть, еще что-то. Что бы это ни было, это останется его ночным воспоминанием. Он выдержал, выправился и махнул на много метров вверх. Как люди, которые после жизненных испытаний идут вверх, развиваются и становятся чище.

Он живет. И пусть так будет. Я надеюсь, этот участок никого не заинтересует, чтобы построить там дом. Пусть это место будет местом этого дерева.

11. О Пашке, одиночестве и обо всем

Сын уехал праздновать 16-летие в компании друзей с ночевкой. А значит, у меня есть время подумать. Я сижу с бокалом брют, смотрю на темное небо и думаю. Думаю о том, что 24-летнего веселого и эрудированного парня больше нет. И вспоминаю о том, сколько его было в сети. Очень много. Много в чате, много в реале, когда мы собирались с форумчанами, много на форуме. Паша был всеобщий любимец. Почему так произошло? И вспомнился эпизод. Когда Пашка, тогда еще 21-летний парень, приехал в компанию незнакомых людей праздновать Новый год. Вернее, в компанию 37-летней женщины, моей подруги, с которой он был не знаком в реале. Значит, не было близких, настолько близких. Близких, которым можно позвонить, к которым можно уехать, когда «край», когда дальше только заряженное ружье. Интернет создал иллюзию – великую иллюзию общения, близости, дружбы. Как написал Marek Zunters: «В сети я выучил чужих детей по именам». Страшная иллюзия. Мы сидим каждый в своем мире, а нам кажется, что мы вместе. Помню, меня ужаснула реклама «Билайна», где люди типа на вечеринке, а на самом деле – в пижамах около компьютеров и планшетов. Мы вроде друзья, вместе пьем онлайн, живем практически вместе. Но. Но. Но. Я не призываю ни к чему. Просто Пашка, который каждую ночь был в чате, каждый день на форуме, не нашел в реальности человека, которому можно было бы написать (или захотелось бы написать, или рискнул бы позвонить без риска отказа) следующие слова: «Мне нужна помощь. Мне хреново. Приезжай, или я приеду?». Я не сильна в суицидологии, но знаю, что сознание там сужается в поле выбора вариантов действия. Я вытаскиваю из сети людей, которые мне дороги. В реальность, где есть вкус, цвет и запах. К чему я? Ни к чему. Сумбурный поток мыслей. Потому что Пашке больше не помочь. И я не могу поехать к его матери, которая меня не знает, потому что, как бы плотно мы ни общались в сети, я просто ник, абстрактный ник «Мартишия_Адамс». И впервые я его увидела в реале только через год онлайн-общения. В прошлую пятницу, когда мы пересеклись на игре «Мафия», он подошел и сказал: «Мартишия, поедешь в Киев?», а сегодня в контакте была его запись: «Жаль, что Киев сорвался. Меня нет, всем спасибо, что я вас знал». И куча комментариев: «Пашка... зря ты...». А сколько из отписавшихся придут на панихиду? Не знаю. Я и в себе не уверена, что приду, ибо у меня реальные дела и заботы. Вроде отписалась, как и все. В наше время этого достаточно. Написать в сети. Поставить твоячок в качестве протеста против проблем с Литвой на аватарку, послать онлайн-подарок. Интернет – «наше все», и глупо и нелепо говорить что-то против. Но я не могу с близкой подругой пересечься с сентября, чтобы поздравить друг друга с днем рождения. «Только хардкор», только фейсбук. И вроде все в порядке. Мы же отписались друг у друга на стене. «Дорогая, с днем рождения». Простите. Наверное, это все-таки брют.

12. ***

Сначала он задал мне простой вопрос, на который я не смогла ответить.

Тогда он подошел ко мне, протянул руку и сказал: «Мне нужно твоё тело».

Ладонь была приятна и прохладна.

Я встала, вложила свои пальцы в его ладонь и пошла за ним.

Он уже знал, куда меня поведет...

Вы думаете, это любовь?

Отнюдь нет.

Антон вешает турник. Теперь и заданный вопрос, и зачем ему было нужно моё тело, можно понять достаточно легко.

13. О психотехниках

Намедни я обложила фотографии, вырезками и прочей мелочью, необходимой для создания доски визуализации.

Идея – попробовать. Просмотрела все секторы по фэншуй. И принялась творить.

«Сотворить» быстро и без затруднений у меня, как всегда, получилось только один сектор: путешествия – как в стратегическом, так и тактическом планах.

Остальные секторы как-то не проявились.

Но я не отчаялась – для заполнения блока «личная жизнь, брак» натаскала фоток красавчика Прохорова с десятком холостых и женатых политиков, бизнесменов (кого-то выбирала по внешности, кого-то – по цифрам состояния, а кого-то по стране проживания). В общем, если у меня появится гарем из миллиардеров – значит, доска работает.

Ну а дальше дело стало буксовать не на шутку.

С богатством даже мозговой штурм не помог, да и фоток, отражающих мое поступательное движение на вершину списка «Форбс», не нашлось. Или фантазии не хватило.

А потом просто раздался звонок: «У тебя есть десять минут до нашего явления».

И я судорожно собирала все свои вырезки, плакатики, рисуночки и запикивала их в дальний ящик, дабы не услышать дружного мужского гогота моих друзей, не верующих ни в черта, ни в ладан, ни в психотехники.

В общем. Вот как-то так... Но, думаю, сегодня вечером, тайком... я... только тсс...

14. Непридуманное. О мужчинах и не только

Из разговора с таксистом. Везет из аэропорта, всю дорогу ноет, что выгодней на целых сто рублей возить клиентов в Светлогорск. Устала.

Молчу, смотрю в окно. Меня надо подождать у подъезда, и у меня встреча. Пока я несла чемодан и возвращалась, счетчик был включен. Едем до места назначения, пытается не дать сдачу. Я не выдерживаю:

– *Сдачу до рубля, пожалуйста.*

– *Ну что вы так с мужчиной, девушка! Мы любим, чтобы женщина разговаривала нежно, а потом вы все на нас жалуетесь.*

– *Вы все перепутали.*

– *Я перепутал??*

– *Вы для меня не мужчина, вы для меня ***, с которым у меня однократные товарно-денежные отношения. Простите.*

Меня мучает один вопрос: зачем я всегда добавляю это свое «простите»?

15. Халат

Надо таки заставить себя вылезти из комфортного махрового халата. Жутко расслабляющая одежда. В нем хочется спать, пить кофе, вяло перетекать со страницы на страницу в Интернете, перелистывать книжки, прочтя пару страниц, откладывать в сторону, опять бродить, трепаться по телефону, отвечать «да нууу», на предложения сорваться в водоворот ночной жизни. Хотите погубить человека – подарите ему большой уютный махровый халат. Больше на арене жизни в качестве активного игрока вы его не увидите...

16. Спортивное

Турник висит. Сегодня решила каждый раз, проходя по коридору, пытаться подтягиваться (Сара Коннор в «Терминаторе-2»). Теперь сижу в спальне, выхожу в случае крайней необходимости: ну уж очень не получается подтягиваться. А когда не получается – я направляюсь прямиком на кухню заедать стресс. Резюме: спорт приводит к перееданию.

17. Носочки

Много в жизни происходит разного. Веселого и грустного. От легкой, все понимающей улыбки до искреннего смеха. В жизни все постоянно меняется: кто-то влюбляется, кто-то безудержно работает, кто-то в вечном поиске самого себя, кто-то в ожидании дверей, которые наконец перед ним откроются.

«А ты?» – возможно, спросите вы.

А что я? У меня тоже маленькая радость. Я купила носочки. Литовские. Шерстяные, красные, толстые и пушистые. В них уютно. По-настоящему как-то. Как в детстве. Разбегаешься и... пролетаешь примерно метра два-три. А потом разворот и опять... Простые вещи. Приносящие простое счастье...

18. Ложки

Ложки мне достались от прабабушки. Из серебра в позолоте с финифтью. Изящные. Чайные. Как маленькие лодочки. Раньше ложки делали достаточно глубокие, а не те плоскодонки, что выпускают сейчас. Они всегда лежали в таком бархатном зеленом, потершемся от времени футляре с маленькой защелкой. В те времена (в начале двадцатого века) такие ложки считались красивыми. Да и сейчас они напоминают времена неспешности, ритуальности, пошелкивающих ходиков и позвякивания о тонкий фарфор. Чаепитие на веранде. Или в саду. И чтоб платья длинные. И крестьяне поют, затачивая косы. Вот такие ассоциативные ложки.

В детстве они перешли мне, и были поставлены в какой-то тайник. Ибо нечего ложками баловаться. Мала еще.

Время шло. Мне их торжественно выдали после свадьбы. И они были так же поставлены в шкаф. Эти ложки пережили со мной кучу переездов. Но, к сожалению, я вспоминала про них уже только после торжественных чаепитий. Этакая бесполезно-историческая вещь.

Недавно я открыла этот ящичек, и ложек не обнаружила. Внутри коробочки был беспорядок и вырванное крепление, в которое они обычно вставлялись. Я ринулась в поиски. Искала их везде, где они могли быть. Ложек не было.

«Ну ладно, в наш век фастфуда я передам своим внукам икеевские», – подумала я и закрыла внутри себя, закапсулировала боль от утраты волшебства.

А недавно нашла. Спрятались за кофейным сервизом. Сгрудились там тоскливо. Наверное, после очередного алкогольно-чайного пати.

И радостно, что нашли.

Но как говорится, осадок остался.

Аккуратней надо быть с бабушкиными ложками.

Без фанатизма, но аккуратнее.

Будет у меня внучка, я посажу ее в кресло на веранде, гляну задумчиво на закатное итальянское небо и передам ей зеленую бархатную коробочку. С практически никогда не использовавшимися ложками... Из той России, которой уже нет.

19. Ко дню Святого Патрика

Как-то купила я красивую майку черненькую с зелененькими листочками и какой-то надписью, а так как мне было очень и очень некогда (как всегда в последний момент перед отъездом), то майка была надета, и я рванула в очередную заграницу.

Поездка была корпоративной, но с профессиональным и вполне таким симпатичным гидом. Он долго всматривался под мою куртку, потом попросил разрешения прочесть надпись на майке.

Я тоже ее впервые внимательно прочла.

Там горделиво было написано: «Kiss my irish ass».

Красиво так написано. Шрифтом разнообразным. Жаль, что майка испарилась куда-то впоследствии. А так бы сегодня надела. С праздником!

20. Выйти замуж за иностранца

Я хочу выразить очередное восхищение русскими женщинами. Теми, которые просто замужем, я уже, кажется, восхищалась. Сегодня пришла очередь восхищаться теми, которые замужем за иностранцами. И не теми, которые встретились случайно, бац, бац, любовь. А другими. Которые целенаправленно искали, сидели на сайтах, писали многочисленные письма и фотографировались у специальных фотографов, просчитывали гардеробы и прически, чтобы покорить с первого захода, ночами просиживали за оксфордскими учебниками. Мама дарахая, какой все-таки это тяжелый труд. Это же какую все-таки мотивацию надо иметь, какое желание встать и выйти из своего Урюпинска и даже из Москвы. Притом порой уже в возрасте за 30 и с детьми.

А потом эта адаптация. Это принято, а вот это не принято. Здесь здороваются, а вот тут прощаются. Эти ложки принято класть вот в этот ящик, а сыр нарезать именно так...

Как представляю, каково это было – из Советского Союза вынырнуть. Сейчас, наверное, проще – есть Интернет, языковая среда, скайп. Хотя с супругом тоже – если не уровень advanced, то остается только язык любви и оперативно, улыбаясь, Гугл. В общем, одно слово – ВОСХИЩАЮСЬ.

К чему я? Вот пишут что-то иностранцы. Длинные письма. Открою, прочитаю, все понимаю. А ответить – лень. Просто так, пообщаться, неинтересно. А ведь эти дамы еще и темы выстраивают, историю, рассказывают что-то... Молодцы.

Сестра в свое время говорила: «Таня, с твоими данными – выходи замуж за рубеж! Что плечами пожимаешь? Пока он начнет понимать, что ты на него по-русски матом ругаешься, улыбаясь, детей успеете вырастить. А потом никуда не денется, даже от твоего дурного характера».

Но не было мотивации. Многие уехали, пережили и слезы, и радости, и адаптацию, и мужей по несколько раз сменили, и профессии получили.

Вот потому они там. А я здесь. А все почему? Сила, брат, не в деньгах. И даже не в джоулях. Сила, брат, в мотивации. Великая сила – мотивация. Как психолог вам говорю.

21. Бабско-корсетное

Изначально, как всегда, все было прилично. Причина event – сшить покрывало в стиле дизайнера комнаты моего сына. Но завершается, как всегда, неприлично. Вспомнила Танечка о купленных двух корсетах. Мде... и понеслось.

- *Так не влезем...*
- *Расшнуруй полностью...*
- *Ой, я сломала ноготь!*
- *Держись за косяк, пока затягиваю...*
- *Ой, он расстегивается!!!*
- *А ты молчи!!!*
- *Кажется, у меня сломалось ребро.*
- *Подожди, расстегну... Ой, не получается!*
- *И у меня не получается...*
- *Может, придется вызвать МЧС?*
- *— Ага. «Ребята, мы в корсете застряли!», ну-ну, ролевые игры дамочка и сантехник*
- *Не смеши, и так дышать трудно!*
- *Сними с меня туфли, я нагнуться не могу!*
- *А ты так и стой, как башня Эйфеля...*
- *Фотографироваться надо?*
- *Да уж, эротические фантазии «Пентхауза»...*

Да здравствуют феминистки, избавившие нас от этого ада.

Но как приятно чувствовать себя дамой, затянутой в рюмочку!

22. Пусть он скажет мне это в глаза, как мужик! (с)

Центр оценки. Один эксперт, несмотря на все приказы и распоряжения, так и не является. N, руководитель всего действия и по совместительству моя подруга, пытается его вызвонить, найти через начальника и прочие меры насилия над личностью предпринимает. Сергей (другой эксперт) говорит спокойно:

– N, ну не хочет он.

– заводится N, – – *Понимаю я, меня больше бесит этот трусливый слив, пропадание с горизонта и прятанье тела брэнного в туалете, как в школе. Пусть он мне в глаза скажет, как мужик!!!*

И тут у меня картина складывается. Помнятся недоуменные и обиженные возгласы брошенных подруг, практически дословно повторяющих: «Понимаю все, но пусть в глаза скажет, как мужик!».

Вспоминается собственное состояние: «Понимаю, что „все“, но этот трусливый бег под покровом ночи просто нелеп. Неужели нельзя сказать просто в глаза, как мужик?!».

И подумалось: то ли трусливое поколение мужчин под властными мамами выросло, которые внутри как описавшиеся мальчики, боящиеся гнева матери, прячут глаза и тельца, то ли еще какие-то артефакты влияют?

Бесполезно пытаться ждать, чтобы сказал в глаза, как мужик...

Завтра заканчиваем центр оценки. А тот эксперт так и не объявился с объяснениями. А еще «мужик».

23. Есть час

Есть час. Он самый страшный, самый призрачный. Когда теряется грань между возможным и невозможным. Когда все, что казалось нелепым и невозможным, окружает тебя. И смотрит молчаливо своими черными глазницами, и тянет руки. В детстве мы кричали: «Мама!», и раздавался шелест босых ног. И приходила мама.

В этот час остаешься наедине со своей внутренней темнотой, проявившейся снаружи и стоящей рядом, как попутчик в метро, как бомж, нагло и беззубо требующий своей пайки. В такой час очень легко сделать шаг, который кажется самым правильным. Потому что устал. Потому что нет сил. Но ты уже взрослый мальчик или взрослая девочка, которые не имеют права будить и пугать ночным звонком своих близких. Поэтому исходишь внутренним безысходным криком: «Я есть. Слышите, призраки, я есть».

Этот час персы называют «час пса». А психологи – консультанты на телефоне доверия – пиком суицида. Но ты же знаешь – надо немного потерпеть. Еще немного. И ты напишешь первое сообщение своей любимой женщине, которая сонно улыбнется, его читая. А это почти как в детстве. И это всегда останавливает. Это страховка, которая держит нас под куполом. Пока держит.

24. С любимыми не расставайтесь

Я столько наворотила в своей жизни нелепых шагов и поступков, импульсивных решений – и от гордыни, и от отчаяния, и от любви, и от ненависти, столько дорог оборвано, мостов сожжено, телефонов и людей вычеркнуто.

Я уезжала в Петербург с гордо поднятой головой, не оборачиваясь: «Не любишь? Ну и не надо. Я проживу без тебя. Не приползу. Не вернусь и не заплачу».

И эти каникулы были рационально продуманы.

Все встречи были продуманы, и не было лишних людей.

Только одна встреча была странной.

Одна. И случилась она как-то неожиданно.

Как будто ты долго не можешь признаться в том, что внутри что-то болит и тоскует и что любишь ты по-прежнему. Только изменить ничего нельзя.

А он тебя обнимает и шепчет: «Помнишь?».

И к горлу подкатывает комок. И хочется плакать и говорить: «Ну что жеж я за дура такая». И ревешь...

А он молчит. Падает снег. Ему сказать нечего.

Он просто рядом.

А ты вздох, размазывая слезы, говоришь: «Почему не удержал?».

А он: «Тебя разве удержишь...».

И, оказывается, оказывается, – нет роднее. Нет роднее этих улиц, мостовых, деревьев, мокрой зимы и пасмурного лета. Этого обнимания снегом. А мне казалось, что этот город для меня мертвый и изживший себя. Я уезжала от тебя, думая, что ты меня не любишь.

Как же ты меня подкараулил неожиданно, Кениг.

Я не планировала с тобой говорить...

25. Печатное слово как нам отзовется

Нет, таки время завести тег «Это Питер, детка». Но обо всем по порядку. Так как среди людей, которым я симпатична, я слышу (может быть, ошибаюсь) человеком образованным и культурным, то подарки мне дарят соответствующие.

Например, книги. И притом не какие-то там «Незнайка и его друзья» или «Карлсон», а серьезные такие. Ну, ежели художественную литературу, то что-то этакое. Что не всякий поймет. Я, конечно, тоже особо не признаюсь, что не понимаю, но это уже другая история. Про мой интеллект.

Итак. Подарили мне книгу. Написано: «Один из величайших романов XXI века». Но меня не обманешь – сейчас и на газете «КП» можно написать: «Величайший роман», и никто к ответу не привлечет.

Автор – Борис Виан, книга называется «Пена дней». Я предвижу, что среди моих друзей много тех, кто сейчас закатит глаза и скажет: «Вааааааааа, это жеж вещь! Ты разве ее не читаааала???». Не читала. Посему.

Похмельное утро культурной столицы. Я с этой книжкой в руках сажусь в метро.

Слева – парень в трениках «Адидас», шапке-пидорке (простите), руки грубые, в трещинках.

Справа – парень тоже в трениках, тоже «Адидас», мелкий, сухо изможденный ранним алкоголем. Оба, наверное, чуть младше тридцати.

И между ними я. С книжкой. В стиле фильма «Покровские ворота» – я все такая внезапная, неожиданная такая. Не совсем так, но по сравнению с ними – примерно. Открываю книгу. А, надо сказать, она написана весьма в специфическом стиле литературного модерна и, если проводить аналогию с кино, – для любителей Альмодовара.

Читаю – а там бредомодерн полный. Вот цитата: «на полуботинках стерлись подметки... тогда он положил полуботинки в лужицу и полил их концентрированным удобрением, чтобы кожа снова отросла». И краем глаза вижу, что парни потянулись к знаниям. В книгу заглядывают. И тут мне стало стыдно. Может быть, люди впервые лет за двадцать пять в книгу заглянули, а там: «на полуботинках должна отрасти кожа». Делаю вид, что увлеченно читаю.

На Невском они оба выходят и один другому говорит: «Вот н***я себе люди по утрам такую ***ню читают». И, наверное, впервые в жизни я мысленно согласилась с парнем в трениках «Адидас». Но книгу дочитаю. Ибо это Питер, детка.

26. О случайностях

Когда я, заведенная обыском и морально дезориентированная тем, что кто-то посмел рыться в моих вещах, сидела в ожидании рейса, ко мне подошла неприятного вида старуха. Даже не старуха – лет под 60. Это еще не возраст старухи.

– *А где тут банкомат?*

«Где же банкомат тут найти?» – раздраженно думала я.

От нее шел отчетливый запах спиртного, что злило меня еще больше, чем неопрятная старость. Женщина не унималась. Я уткнулась в книгу.

– *А куда нам выходить к самолету?*

— ткнула я пальцем в сторону гейта. *Туда,*

Она встала, подняла свою «дамскую» сумку и направилась открывать двери. Неадекватность поведения и какая-то потерянность в ее действиях меня уже не злили, а настораживали. А ей хотелось поговорить. И тут я.

«На похороны лечу. Сына повесили... В Орск, Оренбург. Игрок он был».

И тут и потерянность, и алкоголь – все нашло свое объяснение.

«Вот билеты, ночью прилечу».

А я смотрю в ее билеты, а там вылет в Оренбург не 15 марта, а 16 марта, то есть через сутки. Пытаюсь объяснить ей, что в билеты ей вписали не ту дату. Не понимает.

На посадку иду рядом и объясняю: подойдите по прилету, скажите, что вам сегодня надо лететь... Она смотрит на меня чуть больными и пьяными глазами и снова не понимает.

В Москве я ее не видела – наверное, в разные автобусы попали по выходу из самолета. Впрочем, если честно, не особо искала, хотя надо было. И это меня мучает. Не знаю почему. Наверное, это называется «совесть». Все боюсь момента, когда мир станет для меня в силу возраста слишком быстрым и непонятным, и оттого враждебным.

Иногда важно, чтобы кто-то рядом замедлил свой бег или отвлекся от фейсбука. Чтобы хотя бы помочь найти тот самый чертов гейт.

27. Гоша. Он же Жора

Пара дней прошла. Но как-то отложились история. Утро. Петербургское метро. Полный вагон. Я втискиваю не только себя, но и сумку с платьем для танго. Наверное, кому-то сумка доставляет некое беспокойство, и я на рефлекс воспитания бормочу «извините». Рядом стоит мужчина и смотрит внимательно. Решив, что взгляд вызван моей сумкой, уже персонально ему говорю «извините». Не знаю, насколько вообще принято извиняться в метро, но мне, понаехавшей, можно. Мужчина говорит: «Удивительно, сумкой вы меня не задели, а извинились. Вежливо». И пытается вступить со мной в беседу. Она разворачивается в стиле классики «Москва слезам не верит», я держу дистанцию, а он идет на диалог. Мужчина зачем-то начинает рассуждать о вежливости, потом что-то обо мне, потом извиняется, что выпил пива, ибо едет с ночной смены. Все это немного нелепо и начинает раздражать, но грубить как-то неловко (я ведь уже продемонстрировала себя как супервежливая, снижать планку неудобно), отойти тоже некуда, поэтому лениво отвечаю. На каждой остановке он начинает со мной прощаться, пока не говорю ему о том, что мне выходить на Петроградской и прощания ни к чему.

— *А можно, я с вами выйду, мне пару слов вам сказать надо?*

Выходит следом.

Вокруг толпа, я смотрю на него: обычное рабочее лицо, правильное, уставшее, такое из классических рабочих, но без алкогольного габитуса.

— (интересно, откуда он это увидел?), — он запинаясь, — *Послушайте меня, я все про вас понял и не знаю, зачем я за вами пошел, вы же явно непростая и смотрите на меня, как психолог а я на вас как на красивую женщину, зачем я это все говорю, как все нелепо...*

Я смотрю на громадное электронное табло и понимаю, что время движется к началу рабочего дня, а мне не хочется помогать ему в его странных объяснениях.

— — смотрит куда-то вдаль. *Я развелся пару лет назад и ничего и никого постоянного нет,*

Понимаю, что мы мешаем людям, я предлагаю отойти в сторону, на что он замечает: «Да я вижу, что вы сами все привыкли решать».

И тут мне становится забавно и моя психологическая жалость, и легкость прочтения меня посторонним мужиком и, самое главное, и его, и мое понимание всей глупости ситуации.

— уже не дожидаясь каких-то его слов, спешу к выходу из метро. Он так и остается стоять у стены, о чем-то задумавшись. Потому что это не моя история, только осталось дурацкое чувство, что порой все-таки у меня еще прорывается мое «спасательство». Предвижу вопросы: «Таня, зачем ты разговариваешь с посторонними?» и прочее. Бывает почему-то. Не знаю. Остатки интереса к людям. — *Извините, мне пора,*

28. Когда я уеду из этой страны

Ему 50. Он думает, что производит впечатление веселого и жизнерадостного человека, а я вижу немного другое. Какое-то постоянное напряжение, которое выплескивается на официанток, людей, которые в Питере, по его мнению, некрасивые, город, который построен на болоте и мертвый. И постоянное утверждение, что он свободен и счастлив. И он всегда знает, как правильно. Что есть и что пить, и что мне надо надеть шарф, чтобы не простудиться.

И дочь, которой он дал свободу, но недоволен, что она живет здесь, на берегу холодного моря, с каким-то парнем, который не собирается на ней жениться. Хотя должна уехать жить туда, где тепло и где все счастливы. Разговоры про дочь включают во мне моего внутреннего подростка по эмоциям и с нынешним аналитическим умом, и я спрашиваю: «А кто сказал, что ей туда хочется?».

«Я знаю, что там лучше».

«Лучше ты сам и езжай, тебе же там лучше, не ей».

«Уеду, скоро уеду», – и его состояние напряжения и внутренней агрессии меня утомляет.

Дело не в том, что я довольна страной. Отнюдь. Я люблю ее, но я не ура-патриот.

Дело в том, что меня утомляет состояние внутреннего напряжения людей. Притом я понимаю, что выхода в их жизни нет. Ничто ничего не изменит – ни переезд в другую страну, планету, галактику. Скорпион ненависти к своей жизни сделал свое дело. Осталось немного – время. А может быть, оно и лучше, что он живет состоянием «когда я уеду», может быть, иначе пришлось признать, что-то, что происходит в его внешне благополучной жизни, сделал он сам.

Это пост не про страну, «уезжать или не уезжать».

А о том, что даже на край света мы увезем самих себя. Я, сбежав из Кенига, привезла с собой в Питер все те же личностные проблемы.

И поэтому даже на самом прекрасном пляже мира будет повод для разочарований и гнева.

Жаль, что он меня не услышал. Впрочем, он же все знает лучше. Ведь когда он уедет из этой страны и начнет все заново, он будет счастлив. Он знает. Осталось немного. И все будет.

29. Врачебное

Так как я – ипохондрик первой степени, то, чуть что, звоню в «Согаз» и отправляюсь по врачам. Ибо ученая я. Вот и сегодня. Проанализировав внимательно состояние кожи, я решила, что кожа какая-то сухая. И попросила милостивый «Согаз» записать меня к дерматологу. «Согаз» милостиво записал. Приехав, я обнаружила, что меня записали почему-то к дерматовенерологу.

«Где наша не пропадала», – подумала я и пошлепала к врачу.

Врач был в возрасте, тучный мужчина в очках и с ученой степенью. К слову сказать, не люблю я ученых степеней среди врачей. Не знаю, интуитивно как-то. Ибо сама с этой степенью.

– с порога спросил после «здрасьте» доктор, внимательно глядя на мои ноги. – *Сифилисом болели?*

... – ошарашенно протянула я. – Эээ

? – настороженно посмотрел на меня доктор. – *А что вы так задумались*

зачем-то испуганно отрапортовала я. – *Крестов Вассермана не обнаружено!* —

– расслабился доктор. – *Так, а на что жалуетесь?*

– *Вот, кожа сухая стала...*

Врач натянул вторые очки, взял лупу, включил лампу в стиле «В глаза смотреть, вопросы здесь задаю я», и принялся изучать мой фейс.

Э назидательно причмокнув, сказал доктор. – *то вы питаетесь неправильно,* —

– *Шоколад едите?*

– *Нет. Ну, то есть мало.*

– *Вам нельзя морепродукты.*

– *Ну, я их мало...*

– *Все продукты винограда, в том числе вино.*

– *Ну, вино я вообще не пью...*

– *Мед нельзя, даже мало.*

– *Не ем я его!!!*

– *Рыбу, нельзя кроме деликатесных сортов...*

– *Не люблю я рыбу...*

– *Бананы, апельсины, грейпфруты по маленькому кусочку раз в три дня.*

– *Ну как же так?..*

Монолог с перечислением недозволенных продуктов продолжался минут семь. Я пыталась что-то сказать, но... Встаю, а он все перечисляет:

– *Манго, киви...*

...Продвигаюсь крадучись к выходу.

Слова «икру черную и красную» уже слушала, взявшись за ручку двери.

Пока бежала по коридору, вслед мне неслось:

– *Жирное мясо тоже нельзя.*

С лестницы я крикнула:

– и выкатилась на улицу. – *Не ем я жирное мясо!!!*

И вам не болеть!

30. Потеря

Я была резка с ней. Уже поздно что-то говорить. Я вообще редко с кем церемонюсь. Особенно с такими, как она. И в этот раз, так печально завершившийся, я резко ее одернула.

За нашей легкой «борьбой» на платформе в ожидании прибывающего поезда с интересом наблюдала девушка с фиолетовой челкой и пирсингом в носу.

Она пощелкивала жвачкой и ждала кто-кого.

Так вот. Я ее дернула. Она отскочила. Развернулась и бросилась к краю платформы...

«Ааааахххх...» – вдох девушки с фиолетовой челкой.

Я замороженно смотрю, и в глубине сознания: «Не успею». Она еще раз повернулась ко мне и нырнула на рельсы. И в тот же миг все закрыл синий бок прибывшего поезда.

Очень красивая была, – почему-то сказала мне «челка». —

Да, очень. Где теперь искать такую пуговицу?

31. Про метро и паранойю

Этот миг единения с народом прекрасен. Парочки обнимаются, и женщины едут, уткнувшись в шею любимого мужчины. Бабульки, которым не спится в восемь утра, работяги, уставшие-помятые после ночной смены, и такие же клерки, как я. Запахи это самое значимое в этой массе. Передо мной маячит шея белобрысого парня, от которой идет флер утренней жареной картошки. Кто-то стоя читает книги, кто-то играет в игры. Студенты кучкой селедок (кстати, опять поколение невысокого роста). Я спешу не в свой офис, поэтому ехать мне дальше, чем обычно. Толпа такая, что можно рожать или заниматься сексом незаметно для окружающих. И умереть тоже, наверное. Ваше тело простоит в толпе до Невского проспекта, и только когда все рванут на выход, тихо осядет на пол вагона. —

Я еду в рабочих мыслях, тихо матерясь на свои каблуки. И тут чувствую, что к моей филейной части кто-то прикасается. Не особо обращаю внимание, просто стараюсь отодвинуться, чтобы минимизировать контакт. Изменить, так сказать, градус поворота.

Через некоторое время опять. Черт возьми. При этом толпа такая, что повернуться, не опрокинув полвагона, просто невозможно. Через три неудачных попытки я, искоса взглянув, понимаю, что это парень в зеленой кожаной куртке. Не уверенная, что это он делает специально, стоически терплю. Вот и моя станция. Можно даже не перебирать ногами — толпа сама вынесет тебя на платформу. Приезжаю в офис. Забываю. В обед спускаюсь на эскалаторе, и... тот парень навстречу. И пристально так на меня смотрит. Потом кивает. Наверное, его мысли: «А эта та самая, которая прижималась ко мне в метро». Мои мысли аналогичны. Социальная паранойя. Да. Да.

32. ***

Их у меня было много. Первым был, конечно, бельгиец. Можно сказать, венец коллекции. Он был надежным, как истинный европеец. Меня смущали некоторые его выкрутасы и то, что я не могла угодить ему в одежде. Поэтому мы расстались.

Потом было несколько русских. Но это было жалкое подобие бельгийца. Пара русских пытались вести себя достойно, но они ненадежны. И спорить тут я буду до хрипоты. Никаких русских.

Один залетный грек, с которым я рассталась в Германии, и два непонятных ярких бразильца.

Каждый из бразильцев повеселил меня недолго, и, обняв на прощание, я отправила в отставку сначала одного, а потом, через некоторое время, второго – его родного брата. У меня не осталось к ним особых претензий, правда, и впечатлений особых тоже.

Был один неприметный немец, к которому я толком не успела присмотреться.

Затем я влюбилась в жгучего итальянца. Как сейчас помню, мы встретились в Риге. Просто невозможно меня было оттащить от него. Не знаменит и не престижен, но мне это было неважно. Элегантный, стильный. Но первая же наша совместная поездка в Москву привела к трещине в отношениях. Мы иногда проводим с ним один-два дня, но я пребываю всегда в некотором напряжении.

А потом я влюбилась в еще одного итальянца. Слово «страсть» здесь уместно. Он яркий, притом выносит мои краткие измены, легок в общении, понятлив, и объем его терпения просто безграничен. И, что важно, к нему с уважением относятся даже посторонние люди. Я думаю, что мы, конечно, расстанемся, ничто не длится вечно. И я заведу себе другого итальянца.

Вот так и живем с Roncato. К Samsonite я больше не вернусь. А с чем путешествуете вы? Может, есть кого потестировать? Что порекомендуете?

33. О жизни, танцполе и многом другом

Еду на урок танго. Вечер. Морось. Темнота. Санкт-Петербург. Переход подземный. В нем, как всегда, как и в голодные 90-е, как и в сытые 2000-е, как и в непонятные 2010-е, стоят люди, находящиеся на грани выживания. Торгуют. Нитками, тапочками, ерундой всякой.

Стоит старушка, выкладывает игрушки грошовые, мягкие. Обычная, в очках-«линзах», вязаной шапке, теплых ботах под названием «дожили». Я, пробегая мимо, бросила взгляд на эти игрушки. Штук десять их, наверное, обычный дешевый Китай.

Через пару часов бегу к метро через этот же переход. В нем уже тишина позднего вечера.

Та же старушка пакует свой «бизнес».

Бросив взгляд, понимаю, что ничего не куплено. Подхожу и решаю что-то купить. Какого-то дракона за тридцать рублей. Даю сторублевку, ухожу. Помню этот флэшмоб: «купи у бабушки не торгуясь, сдачу не бери». Бабулька вслед кричит:

– *Сдачу, куколка моя, возьми!*

– , – отвечаю. *Не надо сдачи*

– *Ну возьми еще игрушку, вот рюкзачок какой красивый, возьми...*

И я вдруг понимаю, что все эти флэшмобы, конечно, хороши, но человек не милостынню просит – он старается заработать. Нелепо, не особо прибыльно, но это, черт возьми, не ситуация «помогите, чем можете, мы люди неместные, приехали в Москву на лечение».

Ну, вот так сложилось в ее жизни. И в то же время понимаю, что и сдачу забрать не могу, жалко мне ее. Возвращаюсь, говорю: «Бабуль, я завтра буду здесь же, обязательно выберу что-то еще. Запомните меня, сейчас просто некогда, бегу». Она послала мне воздушный поцелуй... А я – ей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.